

Н О В Ы Й Г Р А Д

под редакціей
И. Бунакова и Г. Федотова

7

П А Р И Ж
1933

С о д е р ж а н і е :

<i>Редація.</i> Германія «проснулась»	3
<i>Г. Федотов.</i> Демократія спит	25
<i>Прот. С. Булаков.</i> Душа соціалізма	35
<i>Н. Бердяев.</i> О соціальному персоналізмѣ	44
<i>В. Ильин.</i> Техніка и христіанство	61
<i>М. Цыганова.</i> Епос и лірика в сучасній Росії	66

И д е и ж и з н ь

<i>Г. Федотов.</i> Отвѣтъ Н. А. Бердяеву	81
<i>А. М. І.</i> Пробужденіе молодой Франціи: «Esprit»	89

К н и г и

<i>П. Бицилли.</i> Constantin Ostrogorsky. Joseph de Maistre und seine Lehre von der höchsten Macht und ihren Trägern. Г. Ф. Maurice B. Reckit. Faith and society. Б. С. Ижболдин. Dr Alexander Schick. Das Sowjetbank wesen	91
--	----

Германія „проснулась“

Критика демократіи изначально входила в задачу «Нового Града», но вопроса: «демократія или фашизм?» «Новый Град» никогда не ставил. С самого начала нами были твердо заняты определенно демократическія, вѣрнѣе неodemократическія позиціи. Сокрушительный удар, нанесенный націонал-соціалистами германской демократіи, не может не ощущаться нами, как удар по нашему дѣлу. Успѣх Гитлера требует потому точнаго анализа и ясных выводов.

Самое потрясающее во всем происшедшем в Германіи это не сила фашистскаго натиска, а безсиліе нѣмецкой демократіи и прежде всего социал-демократіи. В борьбѣ против своего врага она не обнаружила и сотой доли того героизма, что проявила наша молодая февральская республика в дни октября. Она пала так же безславно, как монархія Николая II. Прекрасно организованная и дисциплинированная, располагавшая массами очень высокаго культурнаго уровня, опытная в дѣлах государственнаго управления и гордая своими спортивно-боевыми организаціями, нѣмецкая социал-демократія сдалась на милость побѣдителя, не только не успѣв поднять вооруженной руки, но не успѣв даже громко крикнуть о своей гибели.

В сущности все было проиграно уже 20 іюля 1933 года, когда министр Северинг без боя сдал «красную Пруссію» Папену. 5-го марта еще обильно подавались тайные голоса за социал-демократическіе списки, но рабочаго народа на улицах уже не было. Одними правительственными арестами этого отсутствія не объяснишь. В послѣднем счетѣ оно объяснимо лишь полной утратой воли к борьбѣ и вѣры в побѣду. Странную картину являли в роковое для Германіи воскресенье улицы больших городов: повсюду неустанно разѣзжали столь знакомые и ненавистные нам грузовики. Пахло гарью и кровью. Но одновременно в воздухѣ было и нѣчто совсѣм другое: своеобразное народное гулянье. Грузовики были полны безоружных людей.

Из них торчали злые пулеметы, к ним были прилажены радио-аппараты. Гремѣла музыка. Улицы подпѣвали. В отвѣтъ на фашистскія привѣтствія желторубашечников с тротуаров обильно подымались обывательскія руки. Поднять сжатый кулак — жест желѣзнаго фронта — никто не рискнул. Вечером в газетах появилось извѣстіе, что глава социалистическаго правительства Пруссіи Браун переѣхал в автомобиль границу. Извѣстіе это прозвучало, как официальное подтвержденіе смерти веймарской Германіи. Со слѣдующаго утра начался страшный процесс разложенія: приспособленія всѣх к новому положенію вещей и к новым властителям положенія.

Характернѣйшею чертою побѣды Гитлера над демократіей является то, что он обезоружил и разбил демократію в концѣ концов демократическими же средствами и на почвѣ правового государства. Приход к власти Гитлера означает таким образом не столько разгром принципа политической демократіи, сколько разгром психологическаго и духовнаго склада нѣмецких социал-демократов, на голову разбитых своим оружіем во вражьих руках. «Позор социал-демократіи», пишет орган социал-демократической молодежи, «не в том, что она разбита и обезсилена, но в том, что она вынуждена признать, что лишь Гитлер показал ей, что значит, голосуя, бороться, и, борясь, голосовать; что значит владѣть инстинктами, порывами, слабостями и симпатіями своего народа». Правилен ли этот упрек молодежи, направленный по адресу старых идеологов и матерых вождей нѣмецкаго рабочаго движенія? И если правилен, то в чем его подлинный смысл?

Побѣжденных всегда судят слишком строго. Не будем впадать в эту ошибку. Отдадим должное нѣмецкой социал-демократіи. Вспомним прежде всего, что она приняла власть в момент полнаго политическаго и экономическаго разгрома роди-

ны, что на ея пути все время возникали величайшія трудности: организованная тяжелой промышленностью инфляція, активность поддержаннаго Москвой коммунизма, сепаратизм в прирейнских областях, общій хозяйственный кризис, рост безработицы и многое другое. Несмотря на всѣ эти трудности, возглавляемая нѣмецкой социал-демократіей молодая веймарская республика не потеряла головы, не допустила якобински-большевицкаго срыва революціи. За годы своего сначала активнаго, а затѣм пассивнаго пребыванія у власти, нѣмецкая социал-демократія (партія классово́й борьбы) проявила неожиданно много готовности к соглашенію, пониманія объективнаго положенія вещей, чувства мѣры, свободы и терпимости. Всѣх этих демократических добродѣтелей, которых могло бы хватить на устройство жизни рабочаго класса во вполнѣ благополучной странѣ, в послѣвоенной Франціи или Чехословакии, для Германіи оказалось мало. Нѣмецкая социал-демократія пала потому, что не поняла выпавшей на ея долю задачи; не поняла, что надо было не столько устраивать рабочій класс в старом мірѣ, сколько перестраивать старый мір; строить не только рабочія квартиры с центральным отопленіем, но перестраивать духовный и культурный центр социальной жизни. Только смѣлым водительством, только подлинно творческим почином могла бы молодая демократическая республика спасти себя и Германію от того страшнаго пути, по которому понеслись нынче событія. На такое водительство она оказалась не способной. Причин этой неспособности великое множество. Главныя суть: во-первых — духовный провинциализм офиціозно-марксистскаго міросозерцанія; во-вторых — нечувствительность, а зачастую и враждебность марксистских вождей ко всѣм первоэданностям духовной и социальной жизни, к Богу и родинѣ, к нерасторжимой связи крови и духа и мистикѣ власти; и в-третьих — мѣщанскій уклад большинства социал-демократических душ, жаждавших успокоенія и тишины в эпоху землетрясеній и смерчей.

Система Маркса, как почти всё глубокая историческая концепция, исполнена неразрешимых противоречий. С одной стороны, Маркс утверждает, что осуществление социализма гарантировано неотъемлемыми законами исторического развития; с другой, он требует от рабочего класса жертв и борьбы для осуществления социализма. Одностороннее подчеркивание первого момента ведет к науковёрческому и эволюционному истолкованию марксизма. Подчеркивание второго — к иррационально-проphetическому. В prophetическом истолковании марксизма вера в законы истории не исчезает окончательно. Она лишь окрашивается в иной цвет. Маркс эпохи «Коммунистического Манифеста» не менее определенно, чем Маркс третьего тома «Капитала», утверждает необходимость социализма. Но в молодом Марксе страстно звучит еще и вторая тема — напряженного ожидания в сущности уже данного социализма. В этом слиянии веры в неизбежность социализма, этого царства Божьего на земле, с неустанной боязнью: а вдруг не свершится — коренится ветхозавѣтно-эсхатологическая тема марксизма. Эта огненная тема творчески-действенного и лично-страстного ожидания обѣтованной земли социализма начала гаснуть в немецкой социал-демократии уже очень давно. Успѣх ревизионизма и изувѣрство Ленинского понимания значения личности в истории окончательно убили ее.

Потеря живой связи с ней лишила германскую социал-демократию и пафоса творчества и жажды борьбы. Сильный у Маркса эпохи «Капитала» буржуазный дух науковёрческого экономизма всецѣло завладел партией, превратив ее генеральный штаб в институт научного изслѣдования социологических и экономических шансов на успешное устройство «революционного» пролетариата в разваливающемся капиталистическом хозяйствѣ.

Надо ли доказывать и объяснять, что такой упрощенный марксизм оказался не в силах связать себя со сложнейшими настроениями и переживаниями разбитого войной и революцией германского народа?

Как всегда бывает в катастрофические эпохи, в катастрофические для Германии послѣвоенные годы стали отовсюду со-

бираться, подыматься и требовать выхода в реальную жизнь иррациональных глубины народной души. Углубилась, осложнилась, но и затуманилась религиозная жизнь. Богословская мысль выдвинулась на первое место, философия забогословствовала, отказавшись от своих критических позиций; в среде молодежи и в особенности в студенчестве начали всюду образовываться религиозные кружки. Развелось большое количество сект. Поднялась, как устанавливают специальные научные исследования, волна эсхатологических чаяний и темных суеверий. Возглавляемая социал-демократией, лѣво-буржуазная Германия всего этого ни понять, ни принять не могла. Для нея всѣ религиозно-мистическія настроенія, волновавшія молодежь, сливались в темную муть психологической реакціонности, пореволюціоннаго упадочничества проигравших войну и разбитых революціей классов. В муках народной души она не услышала голоса Божьяго.

Выше религиозной волны стала сразу же послѣ революціи подыматься волна національнаго чувства и націоналистическаго честолюбія. Германия не могла помириться с тѣм, что проявленныя ею в годы войны сила духа и вдохновеніе ратнаго подвига были перед лицом міра и истины начисто отмѣнены Версалем. Непримиримость эта к тому же неустанно питалась несправедливым и в политическом документѣ неумѣстным исторіософским положеніем о нравственной отвѣтственности Германіи за войну. Внесеніем этого пункта в Версальскій трактат западная демократія сильно затруднила работу германской демократіи над перевоспитаніем довоенной Германіи.

Как в религиозной, так и в націоналистической волнѣ сливались, конечно, явленія самаго разнообразнаго порядка: лирическія мечты о прошлом со злою ненавистью к настоящему, брюзжаніе стариков с надеждами молодежи, реакція с революціей, смерть с творчеством. Всей этой сложности германская социал-демократія не услышала и не поняла. Не услышала она прежде всего новаго творческаго звука в пореволюціонном національном подъемѣ. Упрекать нѣмецкую социал-демократію в пораженчествѣ или хотя бы только в отсутствіи патріотизма недѣло. Свой долг перед родиной она исполнила. Но она ис-

полчила. еѡ без вдохновенія, какъ свой тяжкій и горькій долг. В отвѣтъ на нападки націоналистов она с гордостью указывала на раненых и павших на войнѣ социалистов. В отвѣтъ на упреки в пацифизмѣ и пораженчествѣ, она напоминала, что в 1848 году Маркс и Энгельс были за освободительную борьбу против Россіи, а при случаѣ даже и против Даніи, Англіи и австрійскихъ славян; что в 1870 г. они высказывались за національную войну против Наполеона и что, предчувствуя мировую войну, Энгельс еще в 90-х годах выступал в печати за оборонительную войну против Россіи и Франціи. Всѣ эти указанія вѣрны, но о вѣяніи живого національнаго чувства в рядах нѣмецких марксистов-социалистов они все же не свидѣлствуют. Не свидѣлствуют потому, что во всѣх трех случаях рѣчь идет в сущности не о защитѣ родины, а о военной защитѣ социалистическаго движенія. В 70 году вожди нѣмецкаго социализма были не только против Наполеона, но и против Бисмарка, а, высказываясь за грядущую войну против Россіи и Франціи, Энгельс прежде всего мечтал о революціи и о захватѣ власти рабочимъ классомъ. Ясно, что такое отсутствіе первозданнаго національнаго чувства, а часто и его принципиальное заподозриваніе в лицемѣрїи и скрытой реакціонности было возвращено в нѣмецкомъ пролетаріатѣ господствовавшим в феодально-буржуазныхъ слояхъ довоенной Германіи отождествленіемъ національнаго начала с началами собственничества и солдатчины. Объясненіе это вѣрно; но объясненіе не оправданіе. Захвативъ власть в свои руки, социал-демократія должна была понять, что, принимая на себя водительство національно уязвленной Германіи, ей в цѣляхъ предупрежденія націоналистическаго озвѣренія необходимо было освободиться какъ от буржуазно лживаго утвержденія націи, так и от марксистски безпредметнаго умаленія ея. Пойми нѣмецкая социал-демократія, что трудовой народъ способенъ на гораздо болѣе глубокое утвержденіе принципа націи, чѣмъ феодально-буржуазные классы, она, быть может, и рискнула бы встать во главѣ національно-социалистическаго возрожденія послѣвоенной Германіи. На горе нѣмецкаго народа она этого не поняла и продолжала творить свое социалистическое дѣло не какъ общенародное, а какъ партійное,

т.-е. продолжала творить его в рамках того самого капиталистического строя, против которого до победы боролась и в котором после победы начала устраиваться. Так за чрезвычайную свою осмотрительность в деле той переплавки капиталистического хозяйства в социалистическое, которая одна только могла начать превращение партийных пролетариев в надпартийных рабочих, немецкая социал-демократия заплатила неожиданно быстрой и позорно безболезненной утратой политической власти.

Вся сложность этих вопросов сказалась прежде и трагичнее всего на взаимоотношении социал-демократии и армии. И тут немецкую социал-демократию как будто не в чем упрекнуть. Но в этом то «как будто» все и дело. Начав с вотирования военного бюджета в 1914 году, она и в 1929 высказалась за построение военного крейсера. Но она высказалась за него с нечистой совестью. Высказаться же с чистой не могла, так как и к созданной ею самой новой армии чувствовала так же мало симпатии, как к довоенной монархической. Не сумев зажечься новым пореволюционным национальным чувством, немецкая социал-демократия не смогла обрести в своей душе и той любви к власти, без которой создание народно-республиканской гвардии было явно невозможно. За отсутствие в рядах немецкой демократии ощущения правды и мистики власти, пришлось расплачиваться самому крупному политику пореволюционной Германии, Брюнингу, который в последнем счете должен был подать в отставку из-за недовольства республиканской армии к социал-демократии, поддерживавшей его кабинет.

Конечно, не все немецкие социал-демократы были людьми дореволюционного, неадекватного действительности сознания. Были в ней и новые люди, прекрасно понимавшие характер эпохи, предупреждавшие, что устоять можно лишь в постоянном движении и неустанном творческом напряжении. Голоса этих людей не были однако услышаны. Дореволюционная компания старорежимных революционеров сознательно и бессознательно отъясняла пореволюционную элиту партии от власти. Она боялась и ее пророческого пафоса, стремившагося к уничтожению буржуазно-просвещенских элементов в марксизме, и ее религиоз-

ных, отчасти христианских устремлений, и ее требования переустройства капиталистического хозяйства на началах плановости, и ее нового ощущения нации, и ее пореволюционного понимания власти, как мощи национального творчества, и ее стремления к замене марксистского интернационализма социалистическим транснационализмом. Пока новые, творчески встревоженные, озабоченные люди боролись за власть в партии, партия, руководимая слишком спокойными людьми, ставившими на успокоение мира, потеряла власть над политической жизнью Германии. Разгром Веймарской Германии, разгром буржуазной демократии и демократического социализма гитлеровским движением, взошедшим, как тѣсто на дрожжах, на идеѣ коммунистической опасности, на двадцать процентов реальной, на восемьдесят вымышленной, является бесспорным доказательством правильности «новоградского» ощущения эпохи. Радоваться тому, что «покой нам только снится», однако не приходится. Невольно вспомнится слѣдующая строчка пророческой поэмы Блока.

Являясь побѣдой пореволюционного идеократизма над всѣми безыдейными дореволюционными партиями и течениями, национал-социализм является одновременно и побѣдой пореволюционного зла над пореволюционным добром; не шагом к новому средневековью, а прыжком в нѣкое новое варварство.

Восторжествовал (надолго ли, сказать еще нельзя, но опасаемся, на очень долго) национал-социализм не сразу. На своем побѣдоносном пути он, кромѣ своего главного противника, марксизма, разбил еще двѣ значительныя силы: католическую церковь, т.-е. партию Центра и реакционный национализм в лицѣ Гугенберга, Папена и Зельдта, вождя «Стальной Каски». Центр он разбил при помощи реставрационно-романтической реакции, эту послѣднюю путем превращения ее из откровеннаго противника в союзника поневоле.

Здѣсь не мѣсто изложенію и политическому анализу всѣх перипетій этой борьбы. Важно лишь дать себѣ ясный отчет в том, почему всѣ противостоявшіе национал-социализму силы были поочередно разбиты, и почему поле брани осталось за Гитлером?